

Н.А. Бестужев

**Кондратий Федорович
Рылеев**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Бестужев**
Кондратий Федорович Рылеев / Н.А. Бестужев – М.: Книга по Требованию,
2020. – 62 с.

ISBN 978-5-458-55629-3

ISBN 978-5-458-55629-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

закрѣть глаза, что она хочетъ видѣть его счастливымъ и желаетъ умереть съ тою же мыслью, что онъ остается счастливый и послѣ нея.

— Побереги себя,—говорила она,—ты неостороженъ въ словахъ и поступкахъ; правительство подозрительно; шпионы его вездѣ подслушиваютъ, а ты какъ будто поставляешь славой вызывать ихъ вниманіе.

— Вы напрасно думаете, любезная матушка,—отвѣчалъ Рылѣевъ,—что я вездѣ таковъ же, какъ передъ вами. Моя цѣль выше той, чтобы только дразнить правительство и доставлять работу его наемникамъ. Напротивъ, я скрытенъ съ чужими; мнѣ надобно, чтобы меня оставляли спокойно дѣйствовать. Если же я откровенно говорю съ друзьями—мы работаемъ вмѣстѣ; ежели я не скрываюсь отъ васъ, это отъ того, что вы болѣе или менѣе раздѣляете мои чувствованія.

— Милый Кондратій, эта откровенность и убиваетъ меня; она и показываетъ, что у тебя есть важные замыслы, которые ведутъ за собою, важные послѣдствія. Съ горестью предвижу, что ты вызываешься умереть не своею смертію, зачѣмъ ты открываешь эту ужасную тайну матери?

Глаза ея были полны слезъ, когда она говорила послѣднія слова.

— Онъ не любитъ меня, — сказала она, обратясь ко мнѣ и взявъ меня за руку, — вы другъ его,

пользуетесь его расположеніемъ — убѣдите его — можетъ быть, онъ вамъ повѣритъ, что онъ убьетъ меня, ежели съ нимъ что-нибудь случится... Конечно, Богъ воленъ взять его у меня каждую минуту... но накликать бѣду самому...—Она не могла продолжать.

Я говорилъ къ ея успокоенію, что могъ только придумать, она слушала и качала головой съ недоувѣрчивостію. Рылѣевъ взялъ ее за другую руку и началъ:

— Матушка, до сихъ поръ я видѣлъ, что вы говорили только объ образѣ моихъ мыслей, и не таилъ ихъ отъ васъ, но не хотѣлъ тревожить, открываясь въ цѣли всей моей жизни, всѣхъ моихъ помышленій. Теперь вижу — вы угадываете, чего я ищу, чего хочу... Мнѣ должно сказать вамъ, что я членъ тайнаго общества, которое хочетъ ниспроверженія деспотизма, счастья Россіи и свободы всѣхъ ея дѣтей...

Мать Рылѣева поблѣднѣла, рука ея охладѣла въ моей, онъ продолжалъ:

— Не пугайтесь, милая матушка, выслушайте, и вы успокоитесь. Да, намѣреніе наше страшно для того, кто смотритъ на него со стороны и, не вникая въ него, не видя прекрасной его цѣли, примѣчаетъ одни только ужасы, грозящіе каждому изъ насъ; но вы мнѣ мать — вы можете, вы должны ближе разсматривать своего сына. Если вы

отдали меня въ военную службу на жертву всѣмъ
ея трудностямъ, опасностямъ, самой смерти, мог-
шей меня постичь на каждомъ шагу—для чего вы
жертвовали мной? Вы хотѣли, чтобы я служилъ
отечеству, чтобъ я исполнилъ долгъ мой, а между
тѣмъ материнское сердце, раздѣляясь между стра-
хомъ и надеждой, втайнѣ желало, чтобы я отли-
чался, возвышался между другими — могъ ли я
искать того и другого, не встрѣчая безпрестанно
смерти? Нѣтъ, но вы тогда столько не боялись,
какъ теперь; неужели отличія могли уменьшить
страхъ вашей потери? Если нѣтъ, то я скажу
вамъ, для чего вы можете достойно пожертвовать
мною. Я служилъ отечеству, пока оно нуждалось
въ службѣ своихъ гражданъ, и не хотѣлъ про-
должать ее, когда увидѣлъ, что буду служить
только для прихотей самовластья: я желалъ лучше
служить человечеству, изобразивъ ~~судьбу~~ ^{жизнь}, и вы
благословили меня. Что ~~меня ожидало въ военной~~
службѣ? Можетъ быть, „военная слава“ можетъ
быть, безвѣстная смерть ~~въ~~ въ наше время свѣтъ
уже утомился отъ военныхъ подвиговъ и славы
героевъ, приобретаемой не за благородное дѣло
помощи страждущему человечеству, но для его
угнетенія. Суворовъ былъ великимъ полководецъ,
но слава его блѣднѣетъ, когда вспомнимъ, что онъ
былъ орудіемъ деспотизма и побѣждалъ для иско-
~~рѣненія~~ расцвѣтавшей свободы Европы. Долженъ

ли былъ я, получивъ эти понятія, оставаться въ военной службѣ? Нѣтъ, матушка, нынѣ наступилъ пѣкъ гражданскаго мужества, я чувствую, что мое призваніе выше — я буду лить кровь свою, но за свободу отечества, за счастье соотчичей, для исторженія изъ рукъ самовластія желѣзнаго скипетра, для приобрѣтенія законныхъ правъ угнетенному человѣчеству — вотъ будутъ мои дѣла. Если я успѣю, вы не можете сомнѣваться въ наградѣ за нихъ: счастье россіянъ будетъ лучшимъ для меня отличіемъ. Если же паду въ борьбѣ законнаго права съ властью, ежели современники не будутъ умѣть понять и оцѣнить меня — вы будете знать чистоту и святость моихъ намѣреній; можетъ быть, потомство отдастъ мнѣ справедливость, а исторія запишетъ имя мое вмѣстѣ съ именами великихъ людей, погибшихъ за человѣчество. Въ ней имя Брута стоитъ выше Цезарева — итакъ благословите меня!

Я никогда не видѣлъ Рылѣева столь краснорѣчивымъ: глаза его сверкали, лицо горѣло какимъ-то необыкновеннымъ для него румянцемъ.

Мать его, которой онъ сообщилъ свой энтузіазмъ, улыбалась, но слезы ея не переставали катиться. Она наклонила его голову — благословила; горестъ и чувство внутренняго удовольствія смѣшивались на лицѣ ея — наконецъ первое взяло верхъ — она залилась слезами и сказала:

— Все такъ, но я не переживу тебя...

Всѣ дѣйствія жизни Рылѣева ознаменованы были печатью любви къ отечеству: она появлялась въ разныхъ видахъ: сперва сыновнею привязанностью къ родинѣ, потомъ негодованіемъ къ злоупотребленіямъ, и, наконецъ, развернулась совершенно въ желаніи ему свободы. Въ „Думахъ“ его мы видимъ жаркое желаніе внушить въ другихъ ту же любовь къ своей землѣ, ко всему народному; привязать вниманіе къ дѣяніямъ старины, показать, что и Россія богата примѣрами для подражанія, что сіи примѣры могутъ равняться съ великими образцами древности.

Въ „Сатирѣ на временщика“ открывается все презрѣніе къ почестямъ и власти челоѣка, который прихотямъ деспота жертвуетъ счастіемъ своихъ согражданъ. Въ томъ положеніи, въ какомъ была и есть Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени силы и власти, какъ Аракчеевъ, не имѣя другого опредѣленнаго званія, кромѣ принятаго имъ титула вѣрнаго царскаго слуги; этотъ приближенный вельможа подъ личиною скромности, устраняя всякую власть, одинъ, незримый никѣмъ, безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета, вращалъ всею тягостію дѣлъ государственныхъ, и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія.

Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависело бы или оставалось бы неизвѣстно ему, сему невидимому Протею министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрый подсмотръ; не было происшествія, которое бы не отозвалось въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ. Гдѣ деспотизмъ управляетъ, тамъ утѣсненіе—законъ: малые угнетаются средними, средніе большими, сіи еще вмѣстими; но надъ тѣми и другими притѣснителями, равно какъ и надъ притѣсненными, была одна гроза: временщикъ. Одни карались за угнетеніе, другіе за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукою любимца правителя. Никто не смѣлъ жаловатися: едва возникалъ малѣйшій ропотъ — и навѣчно исчезалъ въ пустыняхъ Сибири или въ смрадныхъ склепахъ крѣпостей.

Въ такомъ положеніи была Россія, когда Гылѣвъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины; когда назвалъ его дѣянія, опредѣлилъ имъ цѣну и смѣло предалъ проклятію потомства слѣпую или умышленную покорность вельможи для правленія отечества.

Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что кары грянутъ,

истребять и дерзновеннаго поэта, и тѣхъ, которые внимали ему; но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ.

Онъ постыдился признаться явно, туча пронеслась мимо; оковы оцѣпенѣнія пали, мало-по-малу расторглись, и глухой шопотъ одобренія былъ наградою юнаго правдиваго поэта. Это былъ первый ударъ, панесенный Рылѣвымъ самовластью.

Многіе не видятъ нравственныхъ послѣдствій его сатиры, но она научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь; можно судить о дѣйствіяхъ власти и вызывать сильныхъ на судъ народный.

Съ этого стихотворенія началось политическое поприще Рылѣва. Пылкость юношеской души, порывы благороднаго негодованія и меткіе удары сатиры, безбоязненно нанесенные такому сопернику, обратили общее вниманіе.

Уже въ Россіи начали чувствовать тягость деспотизма, впасть бѣдствія, угнетающія отечество, и помышлять о средствахъ для введенія новаго, лучшаго порядка вещей.

Тайное общество, составленное изъ нѣсколькихъ друзей человѣчества, существовало, и Рылѣвъ, взысканный общимъ уваженіемъ за свои заслуги передъ человѣчествомъ, увѣнчанный за-

служенными похвалами за поэтическія дарованія, съ полной довѣренностью къ его характеру и мнѣніямъ, былъ принятъ въ это общество. Здѣсь порывы его души, болѣзнь сердца о несчастіяхъ родины и неясныя понятія о желаніи лучшаго получили надлежащее направленіе. Отсюда мы видимъ уже въ немъ новый порядокъ идей, другія дѣйствія, иные поступки. Пылкій юноша созрѣлъ постояннымъ и осторожнымъ мужемъ; раздраженный смѣльчакъ перемѣнился въ скрытнаго и предпріимчиваго заговорщика; дерзновенный поэтъ—въ обдуманнаго стихотворца, который уже не гремѣлъ проклятіями на площадяхъ противъ эфемерныхъ любимцевъ, но въ сочиненіяхъ своихъ желалъ направлять умы соотчичей съ единственною цѣлью, къ благородной свободѣ народовъ.

Служивъ въ артиллеріи, женись и взявъ отставку, онъ жилъ въ своей деревнѣ. Его качества заставили сосѣдей избрать его засѣдателемъ въ уголовный судъ по Петербургской губерніи.

Состраданіе къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылкая справедливость, неутомимое защищеніе истины сдѣлало его извѣстнымъ въ столицѣ. Между простымъ народомъ имя и честность его вошли въ пословицу. Однажды по важному подозрѣнію схваченъ былъ какой-то мѣщанинъ и представленъ бывшему тогда военному губернатору Милорадо-

вичу. Сдѣлали ему допросъ: но какъ степень виновности могла только объясниться собственнымъ признаніемъ, то Милорадовичъ грозилъ ему всѣмъ наказаніями, если онъ не сознается. Мѣщанинъ былъ невиненъ и не хотѣлъ брать на себя напрасно преступленія; тогда Милорадовичъ, соскучивъ запертыми, объявилъ, что отдаетъ его пороговому уголовный судъ, зная, какъ неохотно русскіе престолюдины ввѣряются судамъ. Онъ думалъ, что этотъ человѣкъ отъ страха суда скажетъ ему истину—но мѣщанинъ вмѣсто того упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами благодарилъ за милость.

— Какую же милость оказалъ я тебѣ? — спросилъ губернаторъ.

— Вы меня отдали подъ судъ, — отвѣчалъ мѣщанинъ, — и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ, знаю, что буду оправданъ: тамъ есть Рылѣевъ, онъ не даетъ погибать невиннымъ!

Это происшествіе болѣе всѣхъ похвалъ даетъ понятіе о дѣйствіяхъ сего человѣка. Я не скажу ничего о извѣстномъ дѣлѣ разумовскихъ крестьянъ: мнѣніе Рылѣева о сихъ несчастныхъ было написано съ силою чувствованій, защищавшихъ невинное дѣло. Императоръ, вельможи, власти, судьи — угождающіе силѣ, все было противъ, одинъ Рылѣевъ взялъ сторону угнетенныхъ, и это его

мнѣніе будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ истины—съ какой смѣлостью Рылѣевъ говорилъ правду.

Кромѣ высокихъ чувствованій, любви къ отечеству и истинѣ, душа его и сердце были доступны всякому благородному впечатлѣнію. Любовь и дружба сопутствовали ему на всемъ поприщѣ жизни. Я былъ свидѣтелемъ его домашнего быта, много разъ слыжалъ, какъ онъ повторялъ мнѣ о своемъ счастьи, пересчитывалъ качества своей супруги и описывалъ любовь свою къ ней. Здѣсь я считаю священнымъ долгомъ сказать то, что я знаю о его привязанности къ супругѣ и семейству, потому что были люди, которые сомнѣвались о его къ ней вѣрности—подозрѣвали, что онъ ее оставлялъ для другихъ; я нѣсколько разъ долженъ былъ защищать его публично; но тогда не могъ я сего сдѣлать такъ, какъ могу теперь. Онъ былъ живъ, съ меня взято было обѣщаніе не говорить ничего, могшаго служить въ его оправданіе. Поступки его въ отношеніи къ супругѣ могли казаться двусмысленными и не могли быть объяснены, но теперь, когда смерть запечатлѣла его уста, моя должны говорить. Свѣтскія отношенія и связи теперь прерваны, я могу говорить, какъ изъ-за предѣловъ гроба.

Нѣсколько разъ случалось, что меня, какъ коротко знакомаго Рылѣеву, спрашивали въ обще-